

ТВОРЧЕСТВО А.А. ФЕТА В ВОСПРИЯТИИ А.А. БЛОКА

(по материалам библиотеки А.А. Блока)

Цель статьи – попытка исследовать влияние творчества А.А. Фета на А.А. Блока, используя метод анализа помет, сделанных Блоком при чтении. Такой подход позволяет подойти к проблеме, опираясь на фактический, то есть наиболее надежный материал, а составление пар стихотворений для сравнения облегчается тем, что одна сторона – фетовская – уже задана блоковскими пометами. Объектом анализа являются пометы А.А. Блока на первом и втором томах Полного собрания стихотворений А.А. Фета 1901 г.

Ключевые слова: русская поэзия; А.А. Блок; А.А. Фет; Серебряный век и предшествующая традиция; символизм.

Влияние А.А. Фета на творчество А.А. Блока является одним из ярчайших примеров взаимосвязей Серебряного века с предшествующей традицией. Однако, анализируя работы по данному вопросу, можно прийти к выводу, что тема восприятия Блоком лирики Фета до сих пор имеет ряд незатронутых аспектов.

Так, П.П. Громов¹ ставил перед собой задачу показать сходства и различия лирики Блока и Фета путем выявления идейного содержания стиха и сосредоточения внимания на общих смысловых особенностях композиций. Но выбор материала и ограничение его количества тремя парами стихотворений недостаточно обоснованы. З.Г. Минц избирает предмет своего рассмотрения «Стихи о Прекрасной Даме», созданные на том этапе творчества поэта, когда «“фетовские начала” впервые выявились наиболее рельефно и своеобразно»². Исследовательница отмечает новизну, обретаемую фетовскими образами у Блока при введении их в другой контекст, а также лексико-фразеологическое, метрическое и инто-

национнo-синтаксическое цитирование Блоком Фета. А.П. Авраменко³ рассматривает творчество Блока в его развитии как процесс изживания фетовского начала, но опирается только на источники, практически игнорируя предшествующую научную традицию. Как и З.Г. Минц, А.П. Авраменко отмечает тот факт, что идеалистическое мировоззрение Фета у Блока было дополнено мистицизмом Вл. Соловьева и, кроме того, фетовское влияние состоит в отношении к искусству как к сфере высоких поэтических идеалов, свободных от «грубых» насущных проблем окружающей действительности (но только на ранних этапах творчества) и «в усвоении <...> идеи мелодической поэзии»⁴. О связи творчества Блока с Фетом упоминает также С.Б. Бурого⁵; множество метких наблюдений касательно отдельных образов или перефразированных формулировок, заимствованных Блоком у Фета, принадлежат С.Ю. Ясенскому⁶.

Значительная роль Фета в становлении Блока как поэта отмечается и в ряде фетоведческих работ. Так, Д.Д. Благой указывает, что «ощущение Фетом “музыки” мира, <...> песенный лад и строй фетовской лирики, мотивы “радости-страданья”, отдельные фетовские образы, <...> лексика, интонационные ходы»⁷ являются сходными чертами творчества двух поэтов и демонстрируют преемственную связь между ними. По мнению Б.Я. Бухштаба, для Блока «ассоциативная семантика Фета открыла путь к символам»⁸. Но разговор о преемственности (ввиду, конечно, специфики самой статьи) ограничивается лишь указанием на наметившуюся у Фета тенденцию к созданию образов, близких к символам. В.А. Шеншина пишет, что Блок воспринял метафизичность Фета и «учился у него приемам стихосложения, музыкальности стиха, ритму и поэтическому мышлению»⁹, привлеченный «отражением невысказанного, тайн души в глубинах всей вселенной»¹⁰.

Как видно, и в фетоведческих работах вопрос о влиянии Фета на Блока ограничивается указанием на факт преемственности и на некоторые общие черты.

Между тем, представляется интересным рассмотреть проблему восприятия Блоком лирики Фета, используя метод анализа помет, сделанных Блоком при чтении – метод, примененный крупнейшим русским историком символизма Д.Е. Максимовым при изучении влияния на Блока философии и поэзии Вл. Соловьева¹¹. Ввиду невозможности ознакомиться *de visu* с изданиями Фета в библиотеке Блока, будем опираться на ее изданное Описание¹². Попробуем проанализировать некоторые пометы Блока на первых двух томах Полного собрания стихотворений А.А. Фета 1901 г. Единичные их случаи уже были приведены и частично проинтерпретированы О.В. Миллер¹³.

Нельзя с уверенностью сказать, были ли эти пометы результатом однократного обращения к изданию или же вносились на протяжении некоторого времени. Кроме того, не вполне установлена датировка обращений Блока к этому изданию. Возможно, это 1901 г., когда была начата работа над статьей о новейшей русской поэзии. Не исключено также, что Блок собирался издать произведения Фета во «Всемирной литературе» в 1918–1921 гг. Это предположение подтверждается проставлением дат первых редакций, а также большим числом помет на вступительных статьях, демонстрирующих внимание поэта к процессу формирования данного издания, редактуре и установлению хронологии. Так, подчеркнуты фразы «возможно полное»¹⁴ [собрание стихотворений Фета], «критическое издание без критического аппарата» [I: С. V], «в основание текста принят состав посмертного издания 1894 года» [I: С. X], выделены пояснения к хронологическому указателю, отчеркнуты абзацы о трудностях установления правописания в фетовских текстах.

Пометы в виде исправленной опечатки или проставленной даты первой редакции в данной работе рассматриваться не будут. При отборе стихотворений для анализа будем руководствоваться по большей части принципом заметного дословного либо ритмического сходства. Пунктуация издания 1901 г. сохраняется.

Уже обращала на себя внимание исследователей¹⁵ полемика Блока с мнением Б.В. Никольского относительно степени важности хронологии для читателей Фета и его несогласие с редактором, по словам которого, «огромное множество его стихотворений <...> могло бы быть написано в любом веке, в любой стране»¹⁶: рядом с этой строкой стоит «О, нет». Более подробно это будет прокомментировано ниже.

Отчеркнуты слова Б.В. Никольского об Ап. Григорьеве как первом составителе сборника Фета: «<...> влияние Григорьева на Фета, при всех благотворных качествах, было в итоге вредно, так как направляло поэта на совершенно несвойственный его дарованию и духовному характеру путь <...>. И на самом деле, мы видим, что вначале группировка Григорьева вполне соответствовала творчеству Фета <...>. Но уже в издании 1850 года понадобился отдел “Разных стихотворений”: творчество Фета перерастает рубрики Григорьева [I: С. XII]».

В 1915 г. в очерке «Судьба Аполлона Григорьева» Блок создаст во многом противоположную картину: молодой Фет предстает «демоном-искусителем»¹⁷ для Григорьева, критикует его стихи, а тот слепо обожает своего товарища. Позднее Григорьев яростно защищает Фета от нападок журнальной критики, в то время как автор этих стихов «помышляет лишь об одном: как ему взять лошадь в шенкеля и осадить ее на должном расстоянии перед государем»¹⁸ и вовсе не нуждается в заступничестве, да и время расставило все по своим местам: Фет причислен к «великим поэтам»¹⁹. Впрочем, Блок смыкается с Никольским в признании в определенном смысле «неправильного» восприятия Фета Григорьевым.

В обоих томах на множестве стихотворений Блоком проставлены даты их создания. Во втором томе большая часть проставленных дат относится к 1840-м гг., отмеченным важными событиями в жизни Фета: в ноябре 1840 г. вышла в свет его первая книга «Лирический пантеон», до 1845-го – плодотворный период пребывания в «живительной, высокоинтеллектуальной атмосфере Москвы»²⁰, 1845 г. – поступление на военную службу и временный спад литературной деятельности. Таким образом, проставленные даты могут указывать на интерес к биографическим моментам написания тех или иных стихотворений, а если учесть и проставленные даты первой редакции, то, возможно, на текстологическую работу над созданием нового сборника Фета.

Стихотворения с подчеркнутой датой поддаются более определенному толкованию. Практически все они написаны в последние годы жизни Фета, в 1891–1892 гг. Анализируя эти стихотворения, можно заметить, что они обращают на себя внимание Блока в двух случаях. Во-первых, тогда, когда можно установить прямую связь между образной системой стихотворения и биографическим фактом – старостью, чувством приближающейся смерти («Давно в любви отрады мало...», «Опять осенний блеск денницы...», «Все, что волшебным так манило...» и другие). Во-вторых, это стихотворения, в которых поэт, будучи уже стариком, наделяет своего лирического героя по-настоящему юношеской восторженностью, даже наивностью. Эта сохранившаяся душевная молодость, судя по пометкам («Ему 72 года»), особенно удивляла и, видимо, восхищала Блока. Таковы стихотворения «Люби меня! Как только твой покорный...», «Не могу я слышать этой птички...», «Безобидней всех и проще...», «Только месяц взошел...» и некоторые другие. В особую подгруппу можно выделить стихотворения, также связанные с темой возраста, в которых сталкиваются молодость, свежесть (часто как признаки лирической героини) и старость, увядание (лирический герой), например: «Тяжело в

ночной тиши...», «Роящимся мечтам лететь дав волю...», «Нет, даже не тогда, когда, стопой воздушной...».

Дело не просто в том, что «Блока явно интересует нестареющее лирическое мироощущение поэта»²¹. Здесь уместно вспомнить наблюдение Д.Е. Максимова о разных типах восприятия творческого пути у разных поэтов: «В одном случае можно говорить о пути писателя прежде всего как о его *позиции* (выделено автором. – Ю. С.), в другом <...> – как о его *развитии* (выделено автором. – Ю. С.)»²². И те, и другие писатели переживают эволюцию. Но для одних она «не является характеризующим, демонстративным признаком <...>. Главное здесь – не столько развитие, изменение, а лицо, угол преломления действительности, поэтический мир, система ценностей»²³. К первой категории Д.Е. Максимов относит Фета, ко второй – Блока. Поэтому весьма закономерным видится тот факт, что Блока привлекли стихотворения, по-разному выражающие соотношение мира реального и мира поэтического. Тогда становится понятным и повышенное внимание Блока к датам написания стихотворений – в противоположность позиции редактора Б.В. Никольского.

Многочисленные подчеркнутые и отчеркнутые строки, фразы и слова демонстрируют особое внимание Блока к определенным темам и художественным образам. В более или менее измененном виде некоторые из них заимствуются Блоком в свой поэтический мир. При этом заимствуемый элемент поэтики может перефразироваться без существенной перемены смысла. Так, в стихотворении Фета «Все, все мое, что есть и прежде было...», отмеченном крестиком и треугольником, подчеркнуты строки:

Блаженных грез душа не поделила,
Нет старческих и юношеских снов. [I: С. 59]

У Блока читаем:

Все бытие и сущее согласно
В великой, непрестанной тишине.
<...>
Но больше нет ни слабости, ни силы,
Прошедшее, грядущее – во мне.
Все бытие и сущее застыло
В великой, неизменной тишине. [1: С. 58]

Но чаще, накладываясь на соловьевский миф с его темой мистической любви, художественный образ или ситуация наделяется символическим подтекстом, большей глубиной значений. В стихотворении Фета «В лунном сиянии», которое Блок отметил крестиком, читаем:

Выйдем с тобой побродить
В лунном сиянии:
Долго ли душу томить
В темном молчании!

Пруд – как блестящая сталь;
Травы – в рыдании;
Мельница, речка и даль –
В лунном сиянии... [1: С. 381]

У Блока:

Травы спят красивые,
Полные росы.
В небе – тайно лживые
Лунные красы.

Этих трав дыхания

Нам обманный сон.
Я в твои мечтания
Страстно погружен. [З: С. 32]

Хотя у Блока тоже «травы», пейзаж не выглядит таким реальным, как у Фета – он буквально растворяется в «лунных красках», в «лунной синеве», а на первый план выдвигаются события, происходящие в душе героя и героини: «Верится и чудится: / Мы – в согласном сне. / Все, что хочешь, сбудется – / Наклонись ко мне» [З: С. 33], в то время как у Фета одно равноценно другому: «Можно ль тужить и не жить / Нам в обаянии? / Выйдем тихонько бродить / В лунном сиянии!» [I: С. 381].

В стихотворении «Ель рукавом мне тропинку завесила...» Блок подчеркивает строки:

Чу! Там, вдали, неожиданно слышится
Тонко взывающий рог.

Сладостен зов мне глашатая медного!
Мертвые что мне листы?
Кажется, издали странника бедного
Нежно приветствуешь ты. [I: С. 329]

Мотив зовущего рога (рогов) несколько раз встречается в цикле «Снежная Маска»:

Откуда звучали рога
Снежным, метельным хором
<...>
Звенели рога
Налетающей ночи²⁴.

Над пустыней снежных мест
Дремлют две звезды.
И поют, поют рога. [2: С. 157]

Из снежного зала,
Из надзвездных покоев
Поют боевые рога! [2: С. 159]

«Рог» в стихотворении Фета воспринимается как обычный охотничий рог, звук которого слышит в лесу лирический герой, и ему лишь «кажется», что «глашатай медный» его «нежно приветствует». У Блока пение рогов звучит «снежным, метельным хором», «из снежного зала, из надзвездных покоев» – эти «рога», наоборот, фантастические, но безо всяких оговорок воспринимаются как реальные.

Подчеркнутая фраза «круг благоуханный» [II: С. 153] в стихотворении «Завтра – я не различаю...» заставляет вспомнить строки из «Стихов о Прекрасной Даме»:

Ты отходишь в сумрак алый,
В бесконечные круги.
<...>
Ты ль смыкаешь, пламенея,
Бесконечные круги? [1: С. 52–53]

Ты, – одиноко, – в отдаленьи,
Сомкнешь последние круги... [1: С. 56]

Я умчусь с огневыми кругами... [1: С. 72]

Кроме уже отмечавшейся в исследованиях аллюзии на Данте, здесь, возможно, присутствует отголосок Фета. Вероятно также, что Блок выде-

лил фразу «круг благоуханный», заметив, что она выглядит у Фета почти автореминисценцией («круг благовонный» [II: С. 37] в стихотворении «Почему»).

Строка «То запах фиалки ночной» [II: С. 523] в стихотворении «Сосна так темна, хоть и месяц...» не может не напомнить о поэме Блока «Ночная Фиалка». До сих пор в обширных комментариях к ней приводилась только одна ссылка на Фета – в связи со строкой «Опустив над работой пробор» и фетовским стихотворением «Почему»²⁵. Но, хотя строка «То запах фиалки ночной» никак не отмечена Блоком, обилие других пометок на данном стихотворении (проставлена дата «1842», под текстом надпись «Гейне», подчеркнуты несколько строк) свидетельствует о внимательном его прочтении Блоком и позволяет предположить возможную сопричастность фетовской «фиалки ночной» к поэме Блока 1905–1906 гг.

В стихотворении «Не тем, Господь, могуч, непостижим...» Блок подчеркивает строку «И мертвецу с пылающим лицом» [I: С. 10]. Похожую словесную формулировку и сходный образ «человека-мертвеца» находим в стихотворениях Блока «Как тяжело ходить среди людей...» и «Как тяжко мертвецу среди людей...». Но лирический герой Фета, несмотря на то, что он «добыча суеты, – / Игралище ея непостоянства» [I: С. 10], носит «в груди, как оный серафим, / Огонь сильней и ярче всей вселенной» [I: С. 10], поэтому пафос стихотворения жизнеутверждающий. У Блока образ «мертвеца» передает ощущение усталости от жизни, пресыщенности, разочарованности в людях и мире; в стихотворении «Как тяжело ходить среди людей...» к этому добавляется внутренний долг выразить свою душевную тяжесть в произведении искусства:

Чтобы по бледным заревам искусства

Узнали жизни гибельной пожар! [3: С. 22]

Эпиграфом к этому стихотворению Блока служит подчеркнутая им строка «Там человек сгорел!» [I: С. 126] из фетовского «Когда читала ты мучительные строки...»; в стихе «Узнали жизни гибельной пожар!», так же, как и у Фета, заключительном, она фактически повторена. Как писал Б.Я. Бухштаб²⁶, у Фета метафорический пожар «сердца» соотносится с реальным, также данным в метафорическом ключе – как внезапная заря в ночи. У Блока же реальная сторона образа пожара устраняется, «пожар жизни» – самая настоящая метафора; вводится еще и другая – «заревое искусства». Если у Фета «двойником» метафорического «пожара» служит пожар реальный, а «мучительные строки» скорее параллельны «зарю», чем сравниваются с ней, то у Блока метафорический «пожар» жизни передается через метафорический же «пожар» искусства. Последствия этого «пожара», хотя и не допускают прямого смысла наряду с переносным, однако столь же губительны. Строка, приведенная в эпиграфе, помимо отсылки ко всему стихотворению Фета целиком, своей собственной двойственностью смысла показывает равноценность внутренней и физической гибели.

Первая строка стихотворения «Мелодия» («Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне...» [I: С. 377]) отчеркнута слева и сверху. Это стихотворение, как показывают исследования²⁷, послужило источником не для одного стихотворения Блока. Также к нему отсылают начальные строки блоковской «Думы»:

Одиноко плыла по лазури луна,
Освещая тенистую даль,
И душа, непонятной тревогой полна,
Повлекла за любовью печаль. [4: С. 54]

Стихотворение «Одним толчком согнать ладью живую...» отмечено крестиком, а последняя строка первой строфы («Учуть ветер с цветущих берегов...») [1: С. 82]) отчеркнута. У Блока в «Незнакомке»:

И вижу берег очарованный
И очарованную даль.
<...>
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу. [2: С. 123]

В стихотворении «На кресле отвалиясь, гляжу на потолок...», отмеченном двумя вертикальными перечеркнутыми чертами, во второй и четвертой строфах перед мысленным взором лирического героя встает беспокойная стая птиц, вызывающая в памяти разлуку с возлюбленной:

Зари осенней след в мерцаньи этом есть:
Над кровлей, кажется, и садом,
Не в силах улететь и не решаясь сесть,
Грачи кружатся темным стадом...
<...>
Молчу, потерянный, на дальний путь глядя
Из-за темнеющего сада, –
И кружится, еще приюта не найдя,
Грачей встревоженное стадо. [3: С. 75]

Удивительно похожую картину создает Блок в стихотворении «Как мучительно думать о счастье былом...»: «...туманная вечность холодным крылом / Унесла, унесла без возврата» [4: С. 57]. Воспоминание о встревоженной стае птиц, как и у Фета, завершает стихотворение и оказывается равнозначным воспоминанию о разлуке:

А когда твои песни польются вдали
Беспокойной, обманчивой клятвой,
Вспомню я, как кричали тогда журавли
Над осенней темнеющей жатвой. [4: С. 57]

Кроме того, «жатва» – «темнеющая», как и фетовский «сад», и «осенняя», как у Фета «заря».

Примечательны случаи, когда Блок выделяет стихотворения Фета, которые могут прочитываться как предчувствие символизма. Таков образ ночи в стихотворении «Ночь и я, мы оба дышим...», отмеченном крестиком и знаком \surd : это и время суток, время действия, и равноправный с лирическим «я» герой, и тьма, которую уничтожит заря, и еще бесконечное количество значений. В стихотворении «Светоч» (оно отмечено крестиком, отчеркнута вторая строфа) как символический воспринимается образ «светоча»: вначале это «сук смолистый» [I: С. 18], затем – «факел», освещающий путь, и, наконец, церковнославянизм «светоч» возводит этот образ на еще более высокий смысловой уровень. В связи с этим и «лес» начинает восприниматься как древний символ человеческой души (как, например, у Данте).

Особое значение имеет стихотворение Фета «Когда мои мечты за гранью прошлых дней...», отмеченное красным карандашом и отчеркнутое, послужившее основой для мотивной структуры цикла 1908 г. и сборника 1920 г., имеющих общее название «За гранью прошлых дней». В цикле это мотивы переходного времени суток (в разных вариациях), «дня», «границы», а также мечты, сна, памяти и воспоминаний (в частности, воспоминаний о мечте) и элегической тоски по ушедшему счастью – в сборнике. Наличие в наследии Блока цикла и сборника с «фетовским» названием и, с другой стороны, содержанием, в значительной степени определенным Фетом, вышедших с разницей более чем в десять лет, под-

тверждает, сколь важной и актуальной оставалась для Блока поэзия Фета на протяжении всей жизни.

Сложнее выявить смысл подчеркиваний, вопросительных и восклицательных знаков и надписей, сопровождающих отдельные слова, но можно с достаточной уверенностью сказать, что Блок отмечает в стихотворениях Фета некоторые «вольности». Так, Блок ставит восклицательный знак напротив строки «И страстней я милашку поцелую» [II: С. 645] в стихотворении «Сними свою одежду дорогую...», на «своевольную» перестановку ударения в которой указывал П.П. Громов²⁸. В стихотворении «Если зимнее небо звездами горит...» Блок подчеркивает слова «следов» и «любовь» [II: С. 64] – у поэта, очевидно, вызвала несогласие неточная рифма «следов – любовь», выделяющаяся на фоне остальных рифм в этом стихотворении, сплошь точных.

Попытка объяснения смысла помет в виде знаков, которыми Блок отмечал прочитанное, впервые была предпринята Д.Е. Максимовым в уже упомянутом исследовании «Ал. Блок и Вл. Соловьев (по материалам из библиотеки Ал. Блока)». Следует оговорить, что стопроцентной закономерности установить нельзя. Традиционная семантика кружка, объединение, так или иначе очевидна в некоторых стихотворениях Фета, отмеченных этим знаком: «Теснее и ближе сюда...», «Всю ночь гремел овраг соседний...», «Тайна», «Мы ехали двое. Под нею...». Но, например, в стихотворении «Доволен я на дне моей души...», отмеченном кружком, главный акцент делается на «неприступности» героини. Крестик и «птичка» используются очень часто, на данном этапе их смысл, как и смысл однократно использованных точки и подчеркивания углом, можно определить в самом общем виде – как привлечение внимания. Стихотворения, отмеченные двумя пересекающимися знаками бесконечности («Угасшим звездам», «Озираясь на юность тревожно...» и «← “Сны и тени...”») обнаруживают в себе тему бесконечности. В то же время, есть стихотворения, от-

меченные этим знаком, в которых тема бесконечности отсутствует («Не отходи от меня...», «На заре ты ее не буди...» и другие), и, наоборот, стихотворения, в которых эта тема есть (например, «Теснее и ближе сюда...»), но которые этим знаком не отмечены. Все стихотворения, отмеченные треугольником («Все, все мое, что есть и прежде было...», «В пене несется поток...», «День проснется – и речи людские...»), так или иначе содержат в себе мотив прорыва сквозь оковы. Стихотворения, отмеченные двумя вертикальными перечеркнутыми чертами – «На кресле отвалясь, гляжу на потолок...», «Рассыпаясь смехом ребенка...» и «Чем тоске, и не знаю, помочь!...» – пронизаны элегическими мотивами. В стихотворениях, сопровождаемых знаками в виде двух вертикальных и двух косых черт, обнаруживается тема взаимоотношений двух влюбленных. Но следует учитывать, что при толковании знаков всегда остается неизбежная доля гипотезы.

В дальнейшем могут быть проанализированы пометы Блока на страницах третьего тома Полного собрания стихотворений А.А. Фета и в остальных сборниках; требуется также дальнейшее изучение индивидуальной системы значков, которую использует поэт. После этого можно будет с большей уверенностью говорить об отношении Блока к тому или иному стихотворению Фета и судить о каких-либо закономерностях в восприятии Блоком фетовской лирики.

¹ См.: *Громов П.П.* Блок, его предшественники и современники. Л., 1986.

² *Миц З.Г.* Ал. Блок и Фет («Фетовский пласт» в «Стихах о Прекрасной Даме») // Блок и литература народов Советского Союза. Ереван, 1991. С. 108.

³ См.: *Авраменко А.П.* А. Блок и русские поэты XIX века. М., 1990.

⁴ Там же. С. 88.

⁵ См.: *Бураго С.Б.* Александр Блок: Очерк жизни и творчества. Киев, 1981. С. 36–52.

⁶ См.: *Ясенский С.Ю.* Поэтика реминисценций в ранней лирике А. Блока // Александр Блок: исследования и материалы. СПб., 1998. С. 40–54.

⁷ *Благой Д.Д.* Мир как красота (О «Вечерних огнях» А. Фета) // Фет А.А. Вечерние огни. М., 1979. С. 633.

⁸ Там же.

⁹ Шеншина В.А. А.А. Фет-Шеншин: поэтическое мирозерцание. М., 1998. С. 157.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Максимов Д.Е. Ал. Блок и Вл. Соловьев (по материалам из библиотеки Ал. Блока) // Творчество писателя и литературный процесс: межвузовский сборник научных трудов. Иваново, 1981. С. 115–189.

¹² Библиотека А.А. Блока: описание: в 3 кн. Л., 1984–1986.

¹³ См.: Миллер О.В. Пометы Блока на книгах по истории русской литературы XIX в. // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 4. Александр Блок: новые материалы и исследования. М., 1987. С. 57–74.

¹⁴ Никольский Б.В. От редактора // Фет А.А. Полное собрание стихотворений: в 3 т. Т. 1. СПб., 1901. С. III. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера тома и страницы.

¹⁵ Миллер О.В. Указ. соч. С. 66.

¹⁶ Никольский Б.В. Указ. соч. С. X.

¹⁷ Блок А.А. Судьба Аполлона Григорьева // Стихотворения Аполлона Григорьева. М., 1916. С. VIII.

¹⁸ Там же. С. XVIII.

¹⁹ Там же.

²⁰ Благой Д.Д. Указ. соч. С. 503.

²¹ Миллер О.В. Указ. соч. С. 66.

²² Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л. 1975. С. 10.

²³ Там же.

²⁴ Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 2. М., 1997. С. 148. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

²⁵ См.: Ясенский С.Ю. Роль и значение реминисценций и аллюзий в поэме «Ночная Фиалка» // Александр Блок: исследования и материалы. Л., 1991. С. 74.

²⁶ См.: Бухштаб Б.Я. Указ. соч. С. 56.

²⁷ См.: Аторина О.Г. «За гранью прошлых дней»: А. Фет в лирике А. Блока (1898–1904) // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 18. Воронеж, 2002. С. 104; Ясенский С.Я. Указ. соч. С. 46.

²⁸ См.: Громов П.П. А.А. Фет // Фет А.А. Стихотворения. М., Л., 1963. С. 17.